

Михаил Кривич Ольгерт Ольгин

ТОВАРИЩ ЧИКАТИЛО

true crime | настоящие преступники

Настоящие преступники

Михаил Кривич
Товарищ Чикатило

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 343.97
ББК 84(2)

Кривич М.

Товарищ Чикатило / М. Кривич — «РИПОЛ Классик»,
2018 — (Настоящие преступники)

ISBN 978-5-386-12039-9

Фамилию Чикатило в нашей стране слышал каждый, об одном из самых жестоких маньяков, орудовавшем с 1978 по 1990 год, сняли множество фильмов и телепередач. Пресса смаковала и до сих пор обсуждает подробности его преступлений и судебного процесса. Эта книга – уникальное документальное расследование, она написана по горячим следам и на данный момент является самым полным и точным рассказом о злодеяниях, ходе расследования и суда над Ростовским Потрошителем.

УДК 343.97

ББК 84(2)

ISBN 978-5-386-12039-9

© Кривич М., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Вступление	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	10
Часть 1	18
Глава IV	18
Глава V	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин

Товарищ Чикатило

© Кривич М., Ольгин О., 2018

© Топильская Е. В., послесловие, 2018 © ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

Вступление Врата ада

Глава I Охота за «языком». Середина восьмидесятых

От пригородной платформы отошла в сторону Ростова-на-Дону очередная электричка, оставив на грязноватом бетонном перроне с десяток человек. Время ни то ни се: до конца рабочего дня остался еще час-другой, ехать в город по делам или за покупками уже поздно.

По платформе, спиной к ушедшей электричке, идут двое. Рослый дядька лет сорока, может быть, чуть постарше, в приличном темном костюме, при галстуке, обличающем в нем казенного человека, держит в левой руке коричневый, не очень новый портфель, набитый, надо полагать, деловыми бумагами. Справа от него, стараясь не отстать, шагает паренек лет одиннадцати в дешевых синих джинсах местного пошива и клетчатой рубашке с коротким рукавом. Похожи на отца и сына. Мальчик не достает своему спутнику до плеча и потому, обращаясь к нему, задирает голову. Дядька утвердительно кивает, смотрит на часы и прибавляет шаг. К лестнице у конца платформы он подходит первым, спускается к путям, мальчик идет за ним.

Платформа уже пуста. С противоположной платформы поджидающие поезда пассажиры провожают отца и сына безразличными взглядами и забывают о них, как только те исчезают из виду.

Конец лета, день теплый, но не жаркий, легкие облака наплывают на солнечный круг, ветерок несет запах деревьев и сухой травы, солнце появляется в голубом просвете, и рельсы вдруг вспыхивают ярким блеском.

Мужчина и мальчик о чем-то спорят, похоже, что выбирают дорогу покороче. Они идут по шпалам, потом переходят на утоптанную тропку между железнодорожной насыпью и лесной полосой справа. Здесь рядом идти тесновато, и старший шагает впереди, словно показывая дорогу. Потом останавливается и машет рукой – пора сворачивать. Оба исчезают среди деревьев.

Один – навсегда.

* * *

Когда-то, лет тридцать назад, в этом степном, безлесном краю вдоль железных и автомобильных дорог стали высаживать деревца – защита от степных ветров и пыльных бурь, отрада взору путника, да и гарь не летит на поля и поселки. Клены, липы, вязы, рябины подросли, вытянулись, дали новую поросль, приютили в своей тени кустарник и траву. Теперь это уже не посадки, а лесок, который тянется вдоль насыпи лентой шириной шагов в тридцать. Здесь прохладно и влажно, как в настоящем лесу, пахнет опавшей листвой и грибами. Через неделю-другую сюда придут грибники. Для них, степных жителей, не избалованных северным лесным изобилием, и эта полоса деревьев – подарок.

Тропка совсем узкая, по ней, наверное, ходят нечасто. Мужчина пропускает мальчика вперед, и тот рукой раздвигает ветки кустов, чтобы не хлестали по лицу. Мальчик оборачивается, смотрит вопросительно, дядька кивает ему – верно идем, так короче. Их разделяет несколько шагов. Мужчина чуть прибавляет шаг и впивается взглядом в линялые джинсы, обтягивающие худой мальчишечий зад.

Мальчик опять оборачивается и что-то спрашивает – скоро ли, не пора ли свернуть и выйти на дорогу, но дядька словно не слышит его. Он уже совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Лицо залито потом, глаза остекленели, челюсть отвисла.

В поезде он казался спокойным, рассудительным человеком, может, малость занудным, но со взрослыми такое часто бывает. Говорил негромко, расспрашивал, откуда и куда мальчик едет, не проголодался ли, рассказывал о своей даче. Предложил зайти к нему перекусить, нарвать фруктов в саду, а потом они вместе вернутся на станцию и поедут в город. Конец дня, торопиться некуда. Еще он интересовался, что мальчик читает, советовал, что взять в библиотеке. Нормальный дядька, разве что только малость занудный...

Теперь в его глазах не было ничего человеческого. Они глядели из преисподней. Так бывает в фильме ужасов, когда лицо на экране искажается страшной гримасой, зрачки зарастают бельмами, из приоткрытого рта вырастают кабаньи клыки и жуть охватывает всех, кто сидит в тесном зальчике поселкового видеосалона. И хотя каждый знает, что все это неправда, киношные трюки, хочется, чтобы поскорее зажгли свет...

В неуловимое мгновение промелькнуло это видение в голове мальчика, и он не успел еще понять, что все происходит с ним взаправду, как жилистая рука с огромной загребущей кистью потянулась к нему и схватила за плечо, разрывая рубашку. Рука швырнула его на землю, в кусты, ветви хлестнули по лицу, он упал на спину, скатился на прогалину среди орешника, заросшую жесткой травой, и почувствовал на себе тяжелое, скверно пахнущее тело. Цепенея, как в ночном кошмаре, не в силах кричать, он не мог понять, зачем жесткие пальцы свирепорвут молнию на джинсах, сдирают с него одежду. Он был как в капкане, и все же, в какую-то секунду, когда пришло осознание того, что все это наяву и происходит с ним, он нашел в себе силы рвануться, выскользнуть из железных рук, вскочить и заорать, вызывая неведомо к кому о помощи.

Никого не было, и крик затерялся среди деревьев.

Каменный кулак вошел ему под дых. Мальчик согнулся, задыхаясь от боли, и новый страшный толчок повалил его на землю. А дядька, огромный, остервеневший, со сползшими до щиколоток штанами, с болтающейся мошонкой, вязал парню руки шпагатом и валил его лицом вниз на мокрую траву. Он елозил по телу, наваливался стокилограммовой тушей и отодвигался, хрипло дышал и лез, лез железными пальцами в зад, мял, тискал, рвал.

Мальчик еще пытался выползти из-под него, закричать погромче. И тогда в левой руке мужчины появился нож. Несколько раз, коротко, без замаха, он полоснул клинком по шее жертвы.

Боль появилась не сразу, а сначала была новая волна ледящего ужаса и омерзения: мальчик ощутил горячие струйки крови на шее и гнусную мокроту на бедрах – там, где к нему прижималось потное тело дядьки.

Мальчик сдавленно, с хрипом кричал, а мужчина, извиваясь на нем, зажимал его рот ладонью, запихивал меж зубов землю с травой, охватывал лапицами шею и душил, душил.

Он был еще жив, когда мужчина приподнялся, повернул обмякшее тело к себе лицом. Издавая хриплые звуки, он разжал измазанные землей и кровью губы, прижался к ним ртом и впился зубами в язык. Отгрыз кусок и проглотил.

Жилистый полуголый мужчина распластался рядом со своей жертвой, он тяжело, хрипло дышал, время от времени разевая окровавленную пасть в глубокой зевоте. По телу мальчика пробежала судорога, он застонал. Мужчина приподнялся, подобрал валявшийся рядом нож и с силой ударил. Раз, второй, третий. В шею, в грудь, в живот, все ниже и ниже. Десятый, двадцатый, тридцатый...

Мальчик давно уже затих, а дядька колот и колот. Он наносил удары монотонно, левой рукой, все ближе придвигаясь к бездыханной жертве, раз от разу учащая удары, и не вынимал

уже нож, а двигал им взад и вперед в одном месте. Распластался на еще теплом теле и снова забился в конвульсиях...

А когда успокоился, то поднялся на колени и начал как-то тупо, неосмысленно резать одежду и тело – сверху вниз, справа налево. Отрывистым движением, одним ударом отхватил небольшую мальчишью плоть и, зажав в кулаке кровавый кусок мяса, понесся кругами вокруг трупа.

«Я – красный партизан! – кричал дядька, придерживая спадающие штаны. – Я взял „языка“! Я захватил врага в плен! Я – красный партизан!»

А потом замолк, стал суетлив и деловит. Сноровисто, привычно снял с тела клочья одежды, распутал веревку, которой были связаны руки мальчишки, обмотал ею свернутые лохмотья. Поднялся, отерся, натянул штаны. Бросил взгляд на окровавленное тело, на свои руки, увидел кровь на ладонях, брезгливо вытер ее лохмотьями. Ногами сгреб поближе к телу прелые листья, начал присыпать труп и в эту минуту увидел на запястье грошовой часы. Наклонился, расстегнул ремешок, снял. Потом закидал тело листьями и сухой травой.

Грибники наткнутся на тело через неделю. Часы исчезнут неведомо куда.

Возбуждение почти прошло. Той же тропкой дядька двинулся к станции, не забыв прихватить с собой сверток. На опушке он бросил сверток в придорожную канаву.

Клочья одежды найдут детективы.

Через полчаса после того как двое вошли в лес, рослый дядька лет сорока с небольшим, в темном костюме, при галстуке, с коричневым портфелем в руке, вышел к станции пригородной электрички.

Глава II

Подлинная история преступлений. Осень 1992

Все, что вы успели прочесть и что вам прочесть предстоит, если не отпугнет вас жуткость происшедшего, – чистая правда. Без придуманных неожиданностей, от которых кровь стынет в жилах, без закрученных криминальных сюжетов, выстроенных так, чтобы постоянно держать читателя на крючке.

Выдумывать ничего не пришлось. В том-то весь ужас, что ничего не пришлось выдумывать.

То, о чем здесь будет рассказано, произошло в наши дни в южном российском городе Ростове-на-Дону и его окрестностях. На тихих и шумных улицах, в парках и на кладбищах, в лесах, на пустырях и на пляжах, а чаще всего – в лесных полосах вдоль дорог. Последнее – чаще всего.

Документальная хроника преступлений – как говорят американцы, true crime story – стала сейчас модным жанром, по популярности никак не уступающим детективу.

У этого жанра есть свои каноны. Например: скрупулезное следование факту, каким бы страшным он ни был, сопоставление различных взглядов на мотивы преступлений, попытка проникнуть в психологию жертвы и преступника. Шаг за шагом хроника ведет нас по следам – от замысла до кровавого исполнения...

Хотели бы так и мы, да не очень получается. Если шаг за шагом, от замысла до исполнения, если на каждое убийство хотя бы страниц по тридцать и еще немного на предысторию, на следствие и суд, то вместо этой книги у нас в руках был бы фолиант размером с Британскую энциклопедию.

Не было еще, пожалуй, таких преступлений и таких преступников. Тут не одно кровавое злодеяние, не пять и не десять. Вмененных в вину – пятьдесят два, и бог знает, сколько сокрытого. Свидетелей на суде много, а очевидцев – ни одного.

И ни одной жертвы не осталось в живых.

Все эти убийства по сути своей до омерзения схожи, только жертвы разные. У каждой из пятидесяти двух своя судьба, у сотен их родных – свое горе. «Преступление века», как быстро окрестили его газеты, растянулось на двенадцать лет. До сих пор в нем тьма непонятого, непонятого и противоречивого – и не только для пишущей братии, но и для криминалистов, следователей, судей, экспертов. В деле этом столкнулись интересы личные, политические, ведомственные. И все это, начавшись в тихие «застойные» времена, продолжается на фоне ломки устоев, долгие годы державших Россию во мгле, в трудное, тревожное время, когда здесь и там стреляют в открытую, и льется, льется кровь, и почти спокойно мы читаем за завтраком в газете: «Убито десять... ранено тридцать пять...».

Впрочем, наша страна это уже проходила. Мы привычные.

Мы стараемся написать правдивую книгу. Она вместит далеко не все, что известно о невероятно долгой серии кровавых преступлений. И напротив, что-то существенное не войдет в нее по той печально простой причине, что не все известно.

Размышляя о произошедшем вновь и вновь, мы то и дело ловим себя на мысли – может быть, обо всем этом лучше было бы написать роман. Психологический, детективный, жуткий.

Может быть, и лучше. Может быть, кто-то уже пишет его.

А пока – подлинная история преступлений.

Глава III

Человек из преисподней. Лето 1992

Суд в советские годы обеднел и обветшал: и суд как действие, и суд как здание. Когда и семнадцатом году с глаз российской Фемиды сорвали повязку, а заодно реквизировали ее старомодный инструмент для взвешивания добра и зла, богиня правосудия, ослепленная, должно быть, кровавым революционным светом, принялась, подобно богине мщения, карать без разбора – как прикажут.

А для этого особого антуража не требуется. Суд, за исключением разве что высших инстанций, из учреждения почтенного, респектабельного, в некотором роде величественного превратился во второразрядное заведение – на одной ступеньке с трестом столовых.

И поныне российские суды ютятся большей частью в потрепанных, для суда не приспособленных домах, где протекают потолки, сыплется со стен штукатурка, зимой стоит холод собачий, а летом нечем дышать. Судейский народ, не избалованный ни народным уважением (хотя суд и зовется народным), ни высоким жалованьем, то грозит забастовкой, то прекращает работу из-за полной невозможности ее продолжать в таких условиях. Уж на что Москва, казалось бы, всегда считалась привилегированным городом, и то собралась в июне девяносто второго чрезвычайная конференция судей Московской области и полдня решала, объявлять ли частичную забастовку, прекратив напрочь слушать уголовные дела. На этот безумный шаг судей толкнули неустроенность и мизерная зарплата. Министр юстиции лично отговаривал судей от жеста отчаяния – и на сей раз отговорил. Один из московских районных судов в конце 1991 года вынужден был закрыться по случаю морозов, и более трех месяцев уголовные дела просто-напросто не рассматривались. А среди томящихся в камерах в ожидании суда есть не только злодеи, но и невинные...

Правда, в какой-то момент мелькнула надежда: с уходом коммунистов поосвобождались самые приличные в городах и поселках здания – особняки бывших райкомов и обкомов, разные дома политического просвещения и партийные учебные заведения, где правоверных учеников накачивали марксистско-ленинской теорией. Сгоряча решили отдать эти дома самым нуждающимся – детям и правосудию. Трудно сказать, как насчет детей, но суды где сидели, там и сидят. И по всей стране, на окраинах и в столице, судебные процессы, как при Горбачеве, Брежнев, Хрущеве и Сталине, идут в тесноте и неуют.

Ростовский областной суд являет собою исключение. Крепкий двухэтажный особняк, выстроенный еще при царе, с парадным подъездом под навесом и высоченными потолками, с колоннами и лепниной по фасаду, выкрашенному сообразно российской бюрократической традиции в официальный желтый цвет. Место престижное: на Социалистической улице, зеленой и тихой, в двух шагах от главной ростовской улицы – еще недавно Энгельса, а ныне, как и встарь, Большой Садовой, хотя таблички с именем немецкого капиталиста, возлюбившего пролетариат, еще не сняли.

Здание областного суда в Ростове называется Домом правосудия. Если сравнивать со многими другими судами, потянуло бы и на Дворец правосудия. Внутри просторно. Порядок охраняют вежливые милиционеры. В вестибюле снуют судейские дамы, среди которых немало хорошеньких и модно одетых. Даже посетители, в российских судах обычно жалкие и неприкаянные, здесь выглядят почище, поприличнее. Все же областной суд, здесь рассматривают либо дела особой важности, либо кассационные жалобы. И то дело, которое слушается на первом этаже, в самом вместительном зале заседаний под номером 5, необычно не только для Ростова – для всего мира. Часто ли бывало, чтобы сведения из Ростовского областного суда подхватывали на лету и разносили по миру газеты и телевизионные выпуски?

Судебное заседание начинается ровно в десять утра. За несколько минут до начала у входа в пятый зал, возле высокой дубовой двери, уже стоят несколько женщин с хозяйственными сумками в руках. Сумки со всей очевидностью не пустые, из чего следует, что женщины с утра успели походить по магазинам, купить кое-что из продуктов. Всякий знает, что за продуктами надо ходить с утра, пока не расхватали, а если отложить на потом, когда суд объявит перерыв, рискуешь оставить семью без пропитания. Правосудием сыт не будешь.

В холле, на полдороги от входа, тетка в стоптанных домашних шлепанцах выставила деревянный лоток с белыми булками, это теперь зовут словом «выпечка». Очереди нет, но выпечку помаленьку разбирают: и милиционеры, и посетители, и судейские дамы. Кто жует, кто прячет про запас. Женщины у двери тоже покупают и кладут булки в свои бездонные сумки. Сгодится.

Скоротать время до начала заседания могла бы помочь информационная машинка вроде тех, что стоят на вокзалах; там они дают сведения о приходящих и уходящих поездах, а здесь? По замыслу создателей, машина в Ростовском областном суде способна дать любую справку как по гражданскому, так и по уголовному праву. Проверить ее способности, увы, невозможно: на какую кнопку ни жми, ответа не дождешься – машина сломана. Зато в центре табло можно прочесть наставление: «Соблюдать строго и добросовестно законы советской власти. В. И. Ленин». То ли убрать не успели, то ли не спешат, – а вдруг все вернется и вновь будем жить по заветам Ильича?

Распахивается дверь, и секретарь суда, высокая молодая женщина, приглашает в зал заседаний. «Сначала проходят потерпевшие», – предупреждает милиционер. Женщины с сумками (а они и есть потерпевшие) устремляются вперед. За ними остальные, человек десять, не больше.

Зал просторный. Он как раз под стать большому, на весь мир прозвучавшему процессу. Мест этак на двести пятьдесят. Три массивные люстры, высокие, уходящие под потолок стрельчатые окна. Деревянные скамьи изрезаны не одним поколением свидетелей и завсегдатаев: имена, даты, пронзенные стрелами сердечки, наивные непристойности. Милая российскому сердцу атрибутика общественных мест, будь то зал ожидания или университетская аудитория. Когда читаешь этот фольклор, то забываешь, где находишься. Но стоит поднять голову, как сразу все становится на свои места: под окнами громоздится массивный судейский стол, за ним три кресла. Среднее немного выше боковых и украшено гербом бывшей советской России. Его уже официально отменили, вернув двуглавого, правда без корон, орла, но здесь пока не тронули, как и ленинскую цитату. Скорее всего, руки не дошли или денег нет – это в копеечку влетает, гербы менять.

На спинках боковых кресел резьба попроще: серп и молот. Каждый предмет по отдельности заслуживает уважения, но вместе, как символ, они себя изрядно скомпрометировали.

Собравшиеся в зале на кресла внимания не обращают. Их взоры обращены на выкрашенную в светло-бежевый цвет железную клетку, которая стоит у правой стены за невысоким барьером с резными белыми балясинами. Выглядит клетка какой-то самодельной, будто сварганил ее из подручных материалов слесарь-умелец. Клетка прикрыта сверху довольно густой металлической сеткой. Внутри – скамейка, не такая основательная, как в зале, а попроще. От зарешеченной дверцы с массивным висячим замком куда-то вниз, за барьер, уходит лестница. Куда – из зала не видно.

Появляются милиционеры и несколько рослых солдат внутренних войск, в фуражках с малиновыми околышами. Ребята крепкие, отборные – у каждого грудь колесом и вся увешана значками, которые свидетельствуют о спортивных успехах и боевой выучке. Один из них отпирает замок, заходит в клетку и внимательно осматривает ее: пристальный взгляд на скамейку, пристальный взгляд под скамейку.

И вдруг, повинувшись неслышному приказу, милиционеры и солдаты выстраиваются вдоль барьера, за которым лестница. В просветы между балясинами видно, как появляются снизу

три головы: две в форменных фуражках, третья, между ними, – непокрытая, серовато-седая. Головы возникают, внезапно и зловеще, словно из преисподней. Мгновение – и они разделяются. Солдаты заталкивают согбенного седого человека в клетку, захлопывают дверь, щелкают замком.

Подсудимый занял свое место. Вокруг клетки выстроилось оцепление.

До этой минуты в зале все спокойно. Вполголоса переговариваются женщины на скамьях для потерпевших, негромко наставляет своих подчиненных прапорщик, начальник караула, техники устанавливают видеоаппаратуру, в совещательную комнату и обратно пробегает с бумажками секретарь суда. Шума не больше, чем на дневном сеансе в кино, пока свет еще не погас.

Но едва между могучими плечами конвойных, за прутьями решетки, появляется седая голова человека из преисподней, со скамей для потерпевших раздастся пронзительный женский крик:

– Сука ты, падла, пи-да-рас!

Человек в клетке сидит, согнувшись чуть не вдвое, в зал не смотрит. Седая голова неподвижна.

– Людоед! Козел вонючий! Говна не стоишь! – кричит худощавая женщина средних лет с аккуратно заколотым пучком русых волос. – Детей твоих, жену твою, всех уьем!

Голос женщины становится спокойнее, она уже не выкрикивает, а как будто увещевает человека за решеткой:

– Надо же, сидишь себе, улыбаешься... А каково было нашим детям?

Человек в клетке не шевелится. Соседки кричащей женщины согласно кивают, словно поддерживают ее. А та продолжает увещевать:

– Как же ты мог?! Тебе ж шестой десяток... Внуки есть... – Она словно укоряет соседа, который спяна выкинул что-то неподобающее почтенному возрасту. И вдруг снова срывается на крик: – Подлый ты! Садист! Пидарас! Сука жидовская!

Она, конечно, знает, что подсудимый никакой не еврей, что он чистейшей воды славянин, хохол, но ругательств в ее лексиконе не хватает, и она бросает ему в лицо все оскорбительные слова, какие знает детства, а на Руси испокон веку «жид», «жидовская морда» и все прочие слова с этим смыслом – не последние среди бранных.

Человек в клетке безучастно смотрит в пол прямо перед собой. Время от времени он начинает раскачиваться, точно на молитве, и зевает – видно, как ходят желваки под тщательно выбритой кожей. Солдаты у клетки и милиционеры бросают взгляды на женщину и сочувственно улыбаются.

Она кричит уже несколько минут и начинает уставать. Сцена затягивается и кажется уже невыносимой, когда секретарь, обрывая крик, звонко бросает в зал:

– Встать! Суд идет!

Тишина. Все подымаются с мест. Входит суд.

Мантии и судейские шапочки – это бывает в кино из зарубежной жизни да с недавних времен у нас в Москве, в Конституционном суде. Три среднего роста человека в приличествующих случаю темных костюмах движутся цепочкой по проходу. У каждого в руках по несколько пухлых, тяжелых, слегка потрепанных уже папок в красных и синих картонных переплетах – тома уголовного дела. Судья Леонид Борисович Акубжанов первым занимает место за столом – под устаревшим гербом с колосьями. Заседатели садятся в кресла с серпами и молотами.

Начальник караула снимает оцепление у клетки, на посту остаются двое часовых при оружии. Они стоят у клетки с двух сторон, не сводя глаз с подсудимого. Каждые полчаса они будут сменяться с уставной картинностью.

Адвокат занимает место за столом перед клеткой, прокурор – за столом напротив. Судья открывает заседание, и тут же возникает какая-то процедурная загвоздка – в любом суде дело

вполне обычное, – высокий суд, прихватив красно-синюю библиотеку, удаляется в совещательную комнату.

Едва трое в темных костюмах скрываются в судейском святилище, как раздастся знакомый голос:

– Пидарас! Козел вонючий! Мой муж уходит на работу чистый и приходит чистый. Никаких ножей в портфеле не носит. Твоя жена, падаль, все знала, все...

Ее зовут Полина Дмитриевна Ишутина. Она живет далеко отсюда, под Брянском. Ее двадцатилетняя дочь от первого брака Анна Лемешева была убита 19 июля 1984 года.

В обвинительном заключении история смерти Анны числится как эпизод номер 30. Тридцатая жертва. Правда, первые пять пунктов обвинения – всего лишь развратные действия. Значит, двадцать пятая из убитых.

В каждой паузе, едва прерывается судебный ритуал, Полина Дмитриевна ведет свое обвинение. Ее горе не излечивается временем. Перед судом предполагаемый – а для нее очевидный – виновник страшной утраты. Свое горе, свою неисцелимую ненависть к этому человеку она отливает в брань и угрозы.

Она кричит. Ее выкрики заполняют пустоты в процессе. Полчаса спустя их перестаешь замечать.

Судья и заседатели возвращаются на свои места, начинается допрос потерпевших. Первая – Полина Дмитриевна.

Судья мягко говорит, что она может свидетельствовать сидя, если ей трудно стоять, но Полина Дмитриевна твердой походкой подходит к судейскому столу, подписывает бумагу об ответственности за дачу ложных показаний – что в нашей стране заменяет клятву на Библии – и возвращается на свидетельское место.

Да, она Ишутина Полина Дмитриевна, сорока пяти лет, работает школьным завхозом. Внешне почти не волнуясь, она рассказывает суду о том, что делала в тот жуткий летний день восемьдесят четвертого, где была, когда узнала об исчезновении дочери, как приезжала на опознание тела, найденного под Ростовом через шесть дней после убийства в лесополосе у железнодорожных путей, неподалеку от станции Кирпичная, близ города Шахты.

У Анны на теле были обнаружены множественные ножевые ранения, нанесенные в обе глазницы, в левый висок, не менее десяти в левое бедро, в область молочных желез и лобка. Последние – уже после смерти. Когда Анна скончалась, а убийца получил половое удовлетворение, глядя на кровь и ерзая на умирающей, он раздел жертву полностью, изрезал и разорвал одежду, отсек соски, искромсал половые органы, вырезал матку.

Сухо и кратко сказано об этом в материалах уголовного дела: «Соски молочных желез откусил и проглотил. Мстя за свою неполноценность, вырезал половые органы, их потом выбросил, а матку грыз».

Он заманил ее в лесополосу в жаркий день, предложив пойти искупаться в пруду. Она оказалась сильнее, чем он думал, и он сумел справиться с ней только после нескольких ударов ножом. Таким, знаете ли, обычным складным ножом с пластмассовой ручкой.

Анна шла из поликлиники от зубного врача – у нее болел зуб под коронкой.

Полина Дмитриевна Ишутина рассказывает почти не волнуясь, отвечает на вопросы сдержанно. И лишь когда судья, подбирая слова и пытаясь не причинить лишней боли, спрашивает ее: «А какая она была девочка, по характеру?» – только после этого ей изменяет спокойствие. Она плачет.

– Добрая, никого не обидит...

Ее душат рыдания. Человек в белом халате подносит ей стакан воды.

Два дежурных медика находятся в зале неотлучно. Но сидят почему-то спиной к публике, лицом к судейскому столу – будто судьям может стать плохо. На рыдания, впрочем, оборачиваются.

Судья задает последний, формальный вопрос:

– Что еще вы можете добавить по существу дела?

Ишутина отталкивает стакан с водой, вскидывает голову и страшно кричит:

– Что, людоед, нажрался мяса наших детей? Пустите меня к нему! Пустите! – И, обращаясь к судье, умоляюще: – Пожалуйста, дайте его мне. Я буду его резать, я убью его. Леонид Борисович, дайте его мне...

А тот, кого требуют для отмищения, сидит бочком на скамье, не глядя на потерпевших и отворачиваясь от них по мере возможности. Руки, как того требуют тюремные правила, привычно держит за спиной: полтора года в заключении, привык. И зевает, то и дело зевает во всю пасть, будто не о нем здесь речь, не его требуют выдать для самосуда.

В Ростове и неподалеку от него, в лесных полосах, зарослях камышей, на пустырях и кладбищах он насиловал, мучил, убивал, глумился над телами. Кровавый след тянется за ним на Урал и в Подмосковье, в Ленинград и Ташкент, Краснодар и Запорожье. Двенадцать лет шли по этому следу, а он, зверь, людоед, непостижимым образом обходил расставленные ловушки, пока в 1990 году не захлопнулась за ним дверь капкана.

По ходу розыска в виде, так сказать, побочного результата было попутно раскрыто 95 чужих, не им совершенных убийств, 245 чужих изнасилований, 140 тяжких телесных повреждений и еще 600 иных преступлений, которые на фоне этого дела кажутся совершеннейшими пустяками.

Конечно, случаются следственные и судебные ошибки. И прямые подтасовки. И умышленное сокрытие истины. Хватает примеров из дальней и ближней истории России, когда страдали невинные, а виновные оставались безнаказанными.

И все же. Чтобы улики сразу по всем пятидесяти трем уголовным преступлениям оказались ложными... Пусть этот человек виновен хотя бы в одном из вменяемых ему убийств. Он и тогда – существо из преисподней. Вампир, упырь.

Если он действительно совершил все убийства, в которых его обвиняют, перед ним будут выглядеть бледно джеки-потрошители всех времен и народов. Если какой-то уголовный процесс и можно назвать процессом века, то можете не сомневаться – этот, ростовский.

Но когда летом девяносто второго года суд после изрядного перерыва возобновил работу, процесс века, о котором столько написано в газетах, шел при почти пустом зале. Пострадавшие, свидетели, судья, заседатели, секретарь, адвокат, прокурор, врачи, караул, молодой сотрудник местной газеты, матерый репортер московской газеты, три студентки юридического факультета, которых больше волнует предстоящий экзамен, двое крепких парней – жмут в руках теннисный мяч, накачивают мускулы, – пожилой мужчина дремлет в последнем ряду, случайный зевака заглянет в зал и выйдет. И все!

Местная печать пишет о процессе постоянно. Казалось бы, публика должна ломиться в двери. Нет, не ломится. Те же газеты сообщили о прибытии в Ростов «единственного и мире русско-канадского театра ужасов „Вампир“». В большом шоу-представлении: оборотни, химеры, монстры, зомби, упыри и прочая нечисть в супертриллере „Кошмары в преисподней“. Кино- и фотосъемки запрещены». И можно не сомневаться, сей супертриллер собрал свою публику. А тут реальный, невыдуманный вампир. Какое канадское шоу с этим сравнится!

Может быть, людям, пережившим столько социальных и экономических потрясений, не до чужих трагедий? Может быть. Вот уж воистину бессмертный лозунг – хлеба и зрелищ! Колбасы и триллеров!

И к черту все остальное.

Итак, летний день. Ростовский Дом правосудия, зал номер пять. Допрос потерпевших. Немолодые, измученные горем женщины рассказывают о самых страшных днях своей жизни. Всякий раз, когда судья спрашивает у них что-то о погибшем ребенке, они начинают плакать,

будто горе обрушилось на них только что. Дети у них были разные – ухоженные и заброшенные, здоровые и больные, смысленные и умственно отсталые. Но – были. Когда-то были.

Отпив воды и немного успокоившись, одна из женщин сказала:

– Дай нам Бог пережить все это. И вам, уважаемый судья, тоже. Одного только боюсь, что вот этого (жест в сторону клетки) признают психически больным. И не накажут. – Плечи перестают вздрагивать, голос крепнет. – Ладно, детей нам никто не вернет. Но от наказания ему не уйти. Никакая охрана его от нас не убережет. Вот принесу автомат...

Зал оживляется. Милиционеры и солдаты не могут скрыть улыбки: надо же сказать такое – автомат!

Зря улыбаются. Любой желающий может пронести в зал хоть обрез, хоть автомат Калашникова. Какой там досмотр, какие магнитные детекторы... Сядет в десяти шагах от зевающего монстра, вынет ствол и разделается с человеком в клетке, не уповая на справедливость суда.

Чудо, что его не убили до окончания процесса. Пытались один раз, да неудачно. В нашей стране слишком часто говорилось об отмщении – гораздо чаще, чем о правосудии. И хотя ношение оружия повсеместно запрещено, купить его особого труда не составляет: слишком много запасено...

Судья тем временем объявляет перерыв, все встают и взглядом провожают судейскую тройку, обремененную тяжелыми томами. Двери клетки отворяются, двое солдат-младших выволакивают подсудимого. Зажатый между ними, он пробегает, почти скатывается по ступенькам и исчезает в преисподней.

Народ выходит в вестибюль поразмяться. Потерпевшие держатся вместе. Среди них две маленькие девочки – должно быть, не с кем оставить. На столике, с которого продавали выпечку, теперь стоят картонки с яйцами. Двадцать четыре рубля десяток! – проносится слух. Это недорого. Несколько человек окружают столик, чтобы не упустить товар. Из зала выходит адвокат Марат Заидович Хабибулин. Женщины обступают его и вполне мирно обсуждают процесс. На адвоката их ненависть не распространяется, он человек служивый, судом назначенный.

Перерыв окончен. Обвиняемый в клетке, суд за столом. Адвокат Хабибулин обращается к судье: подзащитный намерен сделать заявление.

– Что там у вас? – резко бросает судья.

Впервые за этот день подсудимый встает в полный рост. Достает из кармана исписанные листки, просовывает их сквозь решетку милиционеру. Тот берет листки и относит судье.

Долгая пауза: судья читает исписанные от руки страницы, передает заседателям. Подсудимый ждет стоя.

– Говорите, что у вас, – произносит наконец судья.

– Там все написано.

Голос у него глухой и негромкий.

– Ваше заявление приобщено к делу. Если хотите что сказать, не тяните. Вы на суде, здесь идет устное судоговорение. Так что у вас?

Тот стоит молча, чуть раскачивается. Зевают.

Из зала кто-то кричит:

– Что ночью-то делал?

Молчит.

Газеты печатали его фотографии. На одной, снятой сразу после ареста, – средних лет угрюмый человек в очках, с помятым лицом и недобрыми маленькими глазками. Смахивает на технаря средней руки из заштатного конструкторского бюро. Другой снимок: подсудимый в клетке в первый день процесса. Бритая головка микроцефала, диковатый и бессмысленный взгляд, непомерно длинные – и сильные – руки орангутана, пестрая рубаха с расстегнутым воротом. Вот на этом фото он похож на убийцу.

Есть еще один снимок, более поздний. Он хохочет. Неизвестно, что его рассмешило, но маленький рот оскален в улыбке, похотливые глазки прищурены, скошенный подбородок прижат к шее. Мама родная, да это же классический ломброзианский тип! Что бы там ни говорила нынешняя наука о Чезаре Ломброзо, этому итальянцу в наблюдательности не откажешь. Тот же тип лица, что у Нерона. Или у Лаврентия Бери. Желания преобладают над нравственностью, даже над инстинктом. Цель оправдывает средства. Моя похоть – мое право.

Он такой же, как на снимках, – и не такой. Разве что рубашка под серым пиджаком прежняя. Приметная рубашка, с олимпийской символикой. Немало их понашили в канун московской Олимпиады восьмидесятого года. По прошествии времени мало у кого они остались: износили и выбросили.

Этот бережливый. Сохранил. В этой самой рубахе он, запасшись ножом и веревкой, выходил на поиски очередной доверчивой жертвы. Веревка нужна была не всегда, случалось, хватало одного ножа. Потом, на работе или в аэропорту, он тщательно отстирывал в туалете кровавые пятна. Не столько потому, что боялся, скорее из аккуратности.

Бережливый и аккуратный.

И серый костюм на нем чистый, не мятый, хотя не из дому его привели, а из камеры. Правда, сидит костюм мешковато. Подсудимый вообще кажется из зала каким-то сжавшимся. И роста вроде небольшого.

– Он ростом с меня, – говорит начальник милицейского наряда, добрейший гигант Александр Юрьевич Германов. – Полтора года одиночки кому хочешь роста убавят.

Отросшие после тюремного парикмахера грязно-седые волосы, большая проплешина, какие-то фатовские бачки, некрасивый, скошенный затылок. Заурядная внешность, ничем не примечательная. Повстречай такого человека на улице – вряд ли запомнишь. Малопримечательная личность. В те времена, когда он шастал по вокзалам, пляжам и улицам в поисках любовных утех, он таким не казался – во всяком случае, своим жертвам.

Никто в зале на него долго не смотрит.

– Так вы будете говорить или нет? – раздраженно спрашивает судья.

И он начинает говорить. Медленно, почти бессвязно, не поднимая глаз. Делает долгие паузы.

Судья и зал терпеливо ждут...

– У меня все время голова раскалывается... Обмороки, кошмары мучают... Крысы меня преследуют... В камере... И радиацией меня травят...

Бред? Погодите.

– Процесс с самого начала не так пошел. Фарс какой-то. Я писал Генеральному прокурору. На мне должно быть семьдесят эпизодов. Не пятьдесят три, а семьдесят.

Зал настаживает. Судья поднимает голову.

– Но тут все торопятся... Мне-то уже все равно – больше, меньше. Но ради истины... Торопиться-то зачем? Я на следствии подписывал не глядя, все на себя брал. Сейчас думаю, шести эпизодов что-то не припоминаю. Вот в Запорожье, я тогда в отпуске уже был, а не в командировке... И никаких мандавошек у меня от нее не было... Мне говорит: раз у нее были, значит, и у тебя. А у меня не было... Никому истина не нужна, лишь бы поскорее... Ну и ладно, сколько там можно разбирался...

Судья что-то быстро пишет. Он хмур и озабочен. Чем? Тем, что неожиданно поставлено под сомнение шесть убийств? Или тем, что замаячили новые семнадцать, из-за которых придется возвращать дело на доследование? Бредом насчет крыс и радиации? Какие там крысы в тюрьме КГБ?! Тогда как это понять – как расчетливую попытку прикинуться умалишенным? Линия защиты вполне может быть и такой, не зря родственники жертв этого и опасаются.

А он продолжает, не повышая голоса, бормочет, словно самому себе рассказывает:

– Суд не хочет меня слушать. А я хочу всем рассказать о своей жизни, об унижениях, о преследованиях... Чтобы все знали... Мне врачи сказали: ты больше женщина, чем мужчина... У тебя талия женская и молоко подстывает. Тебе надо было в детстве операцию сделать, чтобы женщиной стал. Меня и в армии мужиком не считали... Как фамилию услышат – хохол, говорят. И еще – баба... За сиськи хватали, такие вот унижения... Я всю жизнь боролся с мафией советской. Отец у меня был командир партизанского отряда... Он не виноват, что попал в плен... До сих пор не реабилитировали. Все в Москве, в архивах... Надо в Москву съездить, а как теперь?.. И по камере крысы бегают, и радиация тоже...

Он надолго замолкает, словно дает нам время поразмыслить над его словами. Нашупать смысл в бессвязной речи. Что-то же стоит за этим вязким потоком слов?

В зале вполголоса разговаривают, кто-то из потерпевших громко смеется. Сменяется, подчеркнуто чеканя шаг, караул у клетки.

– У вас все? – резко спрашивает судья. – Тогда садитесь. Будем разбираться. Заседание окончено. Перерыв до завтра, до десяти часов.

Все встают и провожают суд взглядом. Обвиняемого как-то быстро и незаметно удаляют из клетки, только слышно, как где-то, в самом низу лестничного марша, лязгает замок.

Документальное шоу «Вампир» объявляет антракт.

Часть 1

Похождения филолога

Глава IV

Первая жертва, которая могла стать последней. Декабрь 1978

По следам убийцы нам предстоит пройти страшный и скорбный путь, усеянный изуверченными трупами взрослых и детей. Первый шаг – насколько мы знаем из материалов следствия – был сделан 22 декабря 1978 года. Первая жертва – Леночка Закотнова.

Ее так и звали обычно – уменьшительным именем, потому что ей было девять лет.

С далекого расстояния кажется почти невероятным, что эта девочка могла стать первой и последней, единственной жертвой. И тогда остался бы жив мальчик, изнасилованный и убитый несколько лет спустя у железной дороги.

Если бы убийцу поймали и изобличили – пусть не сразу, пусть даже через полгода после убийства Леночки, цепь оказалась бы оборванной на первом звене. И, как ни страшно это звучит, одна жертва была бы принесена ради спасения пятидесяти душ.

Если бы, когда бы...

Леночка Закотнова не стала единственной. Только первой.

* * *

Место – город Шахты Ростовской области, Межевой переулок, 26. Это можно прочесть в обвинительном заключении.

Как явствует из метеорологической сводки, 22 декабря 1978 года было пасмурно и прохладно. Мы попали на место убийства безоблачным летним днем 1992 года, в один из тех дней, когда судебный процесс в очередной раз прервался.

Мы прибыли в Шахты из Ростова тем же путем, каким сотни раз ездил сюда убийца девочки.

Скорый поезд Ростов – Москва проскакивает мимо города Шахты, едва пассажиры успевают разложить вещи и усесться поудобнее. Пригородная электричка покрывает то же расстояние минут за пятьдесят, рейсовый автобус – за час с небольшим.

Поколебавшись, выбрали автобус.

За какие грехи наказана Россия такими вокзалами – железнодорожными, автобусными, авиационными? Что в столицах, что в провинции, новые и старые, большие и маленькие, они разнятся разве что помпезностью и числом пассажиров. А так – все едино, что московское Домодедово, что желдорвокзал где-нибудь в Верхней Салде, что Варшавский вокзал в Санкт-Петербурге, что автостанция поселка Первомайский любого района любой области. Та же тяжелая, неизбывная вонь – смесь неприсмотренного сортира, дешевой парфюмерии, грязного тела, хлорки и чего-то неопределенно-дорожного. Несчастные старухи и горделивые кавказцы, неутомимые цыгане и хозяйственные вьетнамцы, дети, пьющие газировку и просаживающие монету за монетой в игровых автоматах, неведомо куда мигрирующие лейтенанты с некрасивыми, может быть, от нескончаемых забот, рано стареющими женами и не слезающими с горшка младенцами – то и дело пробегает по залу ожидания в направлении туалета встрепанная мамаша с этим самым горшком. И командированные, командированные, командиро-

ванные... Будто в стране нет телефона и телеграфа. Кажется, вся армада служащих поднялась с мест, чтобы купить, продать, обменять, выпросить у поставщиков металл, запорные вентили, лес-кругляк, керосин, сахарный песок и все остальное.

Но ведь и обвиняемый в убийствах, бубнящий себе под нос что-то неразборчивое, – он ведь тоже из этого братства снабженцев, выпрашивателей и вышибал, без которых, похоже, провалилась бы в тартарары шаткая, необъяснимо на чем держащаяся система производства, свинченая кое-как за долгие годы советской власти. Он тоже подолгу околачивался на вокзалах в ожидании поезда, автобуса, самолета, а то и в поисках жертвы, ходил между скамейками, стараясь не наступить на чемоданы, узлы, сумки, авоськи, заходил в буфеты, где продают неизменно липкие лимонады, яйца вкрутую, потемневшие от времени куски чего-то мясного, на что смотреть страшно, не то что есть, сидел на таких же лавках – деревянных или обитых искусственной кожей, изрезанной без всякого смысла и умысла, просто так – как говорят в суде, из хулиганских побуждений.

Ждущие своего часа сидят на скамейках, болтаются по залу и привокзальной площади, читают без интереса, чтобы убить время, жуют, спят, подложив узлы под голову. А не хватает лавок – спят на полу, подстелив газеты. Задранные юбки открывают недреманному оку породные и тощие тела, несвежее дорожное белье. По подбородку храпящего мужика стекает струйка слюны. Рядом разливают бутылку на троих. Здесь дуются в подкидного. Там тренькают на гитаре...

Ростовский автовокзал, да и шахтинский тоже, построен недавно, архитекторами замыслен разумно, здесь несколько чище, чем в среднем по стране, но – хоть понаставь дорических колонн и развесь бронзовые светильники – все тот же неистребимый вокзальный запах, те же приторные теплые лимонады, узлы и авоськи, зеленые ночные горшки, темные бабки в платках, тощие кошки и собаки, та же неразбериха у касс и толчея на посадке.

Потом душный автобус, короткая перебранка из-за мест – на одно из них непременно продадут два билета, – забитый барахлом проход, по которому распахивают жующих жвачку мальцов лет семи – девяти, провозимых без оплаченного места из соображений экономии.

Дьявольщина, вот таких же мальцов, когда они оставались без пригляда, он заманивал жвачкой...

Мягкий южнорусский говор, местные, узнаваемые обороты речи: «Я за тобой соскучился...» Впрочем, в голосе слишком часто слышно раздражение, и в привычном для русского юга обращении к незнакомым людям: «Мужчина, вы проходите?» или: «Подвиньтесь, женщина!» – звучит сдержанная угроза. «Пожалуйста» употребляется редко.

Шоссе ведет в Москву. Дорога идет полями, однообразие ландшафта навеивает дремоту, разве что иногда встрепенешься, зацепившись взором за дорожный указатель – какой-нибудь «Красный колос». То ли колхоз, то ли совхоз, то ли поселок. Что же это за зерновая культура с колосом красного цвета? Сорго, что ли? Какая, в сущности, разница... Разверни карту Ростовской области и дивись на красное: Красный Октябрь, Краснодонецкая, Красный Маныч, Красный Крым, Красный Десант, поселок Краснозороенский, Красностепной, просто поселок Красный, а вот еще один Красный. И как это они их не путают? А по соседству Краснодар с Краснодоном, не говоря уже о Червонопартизанске. Будто кровью, залита карта этими географическими названиями. Сколько времени пройдет, покуда отмоется!

От горизонта наплывают терриконы, обступают слева и справа. По названию города Шахты нетрудно догадаться, чем здесь занимается значительная часть населения. Удивительно, что не назвали Красношахтинском, – было бы в струю.

Город угольщиков, город Леночки Закотновой, город ее убийцы.

Да простят нас шахтинцы за то, что мы смотрим на их город сквозь темную призму нашего сюжета. Кто же сомневается в том, что здесь живут большей частью достойные люди.

И на скверных вокзалах, среди грязи и ругани, точно так же преобладают достойные люди. Достойные любви и сочувствия.

Свой город любят, как собственного ребенка, а красив он или не очень – дело десятое.

Но полюбить чужое дитя не заставишь.

На автовокзале, где частенько бродил человек, убивший Леночку, такие же, как и в автобусе, озабоченные, редко улыбающиеся люди. Молодые парни в китайских кроссовках, турецких штанах и рубашках неизвестного происхождения, оплывшие женщины с варикозными ногами, жилистые хозяйственные дядьки с длинными бачками – нам уже знакома эта местная мода. То излишняя полнота, то излишняя худоба. Пылящие терриконы, скверная вода, нездоровая работа, хлеб, сало, картошка и макароны.

Рядом с вокзалом деревянная будка, на ней вывеска «Дары леса». Интересно. Объявление поменьше: «Киоск от Шахтинского лесхоза. Фитобальзам». Еще интереснее. Тут же от руки накорябан состав бальзама – экстракты шиповника, крапивы, корицы, цитрусовых, крепость 18,5 градусов. Такого не пробовали. Осторожность подсказывает – никто этот напиток на токсичность и канцерогенность не проверял, возможные последствия не изучал, ни в каких санитарных органах разрешения не просил. И все же...

– Не отравимся?

Из темного оконца будки показываются две физиономии, испитые до фиолетового цвета. Театр абсурда.

– Полгода пьем, вроде бы живы.

Отступать поздно, два стакана уже налиты. Глаза лезут на лоб, в горле жжение. Целебный фитобальзам льется в придорожную пыль. Фиолетовые физиономии смотрят неодобрительно, но молчат.

По пассажирскому обычаю ищем после дороги туалет. Он совсем рядом, в двух шагах. Подходим к двери с буквой «М» и останавливаемся как вкопанные. Театр абсурда, действие второе: два молодца в спецовках сноровисто закладывают дверь кирпичом. Не кое-как, а капитально, на цементном растворе.

И еще одна малость: все это происходит на улице Победившей Революции. Театр абсурда опускает занавес.

На стоянке такси с десятков машин. Шоферы стоят кучкой, общаются. Узнав адрес, переспрашивают лениво:

– Межевой, говоришь?

Скребут затылки, переглядываются.

– Та это не там, где ты прошлый год кирпич брал на гараж?

– Разве упомнишь – там, не там...

Город-то невелик. Не Токио, не Мехико, даже не Ростов. Уж если местные таксисты не знают Межевого переулка, то, может быть, его вообще нет в природе? Есть. Нашелся знаток родного края. Сторговываемся за полсотни – такая в тот день была такса в любой конец. Чуть дороже двух десятков яиц.

За окном пыльная уличная зелень, частные дома за глухими заборами с воротами для въезда машин, стандартные казенные здания из красного кирпича. Несколько раз останавливаясь для уточнения маршрута, преодолеваем километра полтора и выходим из обколупанной «Волги» аккуратно на углу Межевого переулка.

Вот тут это все и было четырнадцать лет назад.

Довольно широкая Советская (какая же еще!) улица, посередине трамвайные рельсы. Да, действительно, там в деле фигурировал трамвай. Наверное, такой же, как этот, что спускается мимо аккуратных одноэтажных домиков, мимо высоких голубых и зеленых заборов к мосту через речушку Грушевку. По ту сторону моста – новый район с многоэтажными домами, но

нам – на эту сторону. Сворачиваем с Советской и идем вдоль по Межевому, приглядываясь к номерам домов.

Ощущение, будто засасывает в воронку. Несколько ближних к трамваю домиков, из тех, что побогаче, облицованы по фасаду кафельной плиткой, какой выкладывают ванные, – признак благосостояния, что ли? Или, напротив, бедности – что сумели раздобыть, тем и облицовали... На воротах таблички про злую собаку. Никаких сомнений: за воротами собака, она злая и, возможно, ей есть что охранять.

Дальше дома поплоче, без кафеля; переулок помаленьку сужается и превращается в ухабистую, зажатую между заборами дорожку, по которой с риском оцарапать бока еле-еле протиснется автомобиль. И заборы уже не те, что прежде: изгороди из ржавых труб, подгнивших досок или кроватных панцирных сеток. Нищета бывает и живописной, но здесь она угрюма. Из-за заборов бросают на незнакомцев подозрительные взгляды. То ли здесь так принято, то ли случайно совпало, но при нашем появлении неопределенного возраста женщины загоняют домой голенастых, с поцарапанными коленками дочек. Или внучек. У калитки стоит старушка в темном платке, ну прямо та самая... Нет, про старушку еще рано.

А вот и дом 26. Так и намалевано – черным по белому прямо на стене.

На невысоком бугре стоит жалкий флигель, который не раз упоминается в двухсот двадцати двух томах дела об убийствах. Бывший хозяин флигеля называет его землянкой – слово полузабытое, военное, из давних воспоминаний. Но довольно точное: в землю основательно выросла грязная зеленоватая сараюшка, не слишком аккуратно обшитая досками, кое-где обмазанными глиной. В окнах немытые, треснувшие стекла. Чуть правее сараюшки, совсем рядом, – беленый дощатый сортир, к нему ведут несколько деревянных ступенек, еще правее, буквально в нескольких шагах, – другой, столь же обшарпанный домишко. На пороге встрепанная бабка развешивает белье, бросает через плечо недоверчивый взгляд.

Во всем этом жалком и грустном трущобном пейзажике есть нечто инфернальное. Неизбежное. Здесь обязательно должно произойти нечто такое...

Нет, глупости все это, люди как люди – замотанные, небогатые, и дома у них соответствующие, и жизнь несладкая; при чем тут какая-то предопределенность? И так могло повернуться, и этак. Просто стоит перед глазами, застилая взор, картина четырнадцатилетней давности.

Тогда не лето было, а декабрь, погода стояла промозглая, и узкая, вся в ухабах, дорожка была покрыта мокрым, смешанным с грязью снегом. По этой дорожке от улицы Советской, от трамвайной остановки «Грушевский мост», шли по переулку к землянке, то бишь к дому 26, рослый мужчина с несколько удлинненным носатым лицом и девочка лет десяти. Мужчина, по свидетельским показаниям, – впереди, в трех – четырех шагах.

Детективы и следователи со всей тщательностью фиксируют, во что были одеты подозреваемые и потерпевшие. Из этих записей нередко удастся извлечь ключевую информацию. Опишем одежду взрослого и ребенка, углублявшихся в темень переулка, с протокольной точностью.

На мужчине: длинное темное демисезонное пальто и цигейковая шапка, в руке сумка из ткани болонья, из сумки торчат винные бутылки.

На девочке: красное пальтишко с отороченным черным мехом капюшоном, кроличья шапка, войлочные сапожки, в руке школьный портфель.

Через несколько дней, когда в реке Грушевке найдут тело девочки, на нем будет та же одежда.

Черное мужское пальто и коричневую цигейковую шапку с матерчатым верхом тоже обнаружат, но очень нескоро – через двенадцать лет. Когда мужчину арестуют и в квартире его произведут обыск, там найдут много поношенных, ненужных вещей и среди них – пальто с шапкой. Давным-давно выбросил бы, чтоб улики не оставались, но нет, рука не поднялась: не

любил расставаться с барахлом, даже со старым, негодным. Бережливый мужик, хозяйственный...

Определенно известно, что второклассница Леночка Закотнова была бойкой девочкой. Любила поболтать с подружками. После уроков прямо в классе разучивала с ними танцы – так было и 22 декабря. Потом разбегались по домам, норовили по дороге прокатиться по раскатанным полоскам льда, падали, отряхивались. Договаривались, когда пойдут гулять. Прощались. И Лене, и ее подружкам от школы до дома было несколько минут ходьбы.

Конечно, всякий школьный день складывался по-своему, но ничего из ряда вон выходящего не случалось. Накануне, 21 декабря, после школы Лена забежала к бабушке, потом в детский сад за младшей сестрой, там встретилась с матерью, втроем отправились домой. А перед этим, еще в школе, она рассказывала подружкам о знакомом дедушке, который дарит ей жвачку. И показывала пластинку жевательной резинки в красивой заграничной обертке. Если кто хочет, она может попросить жвачки и для подруг. Дедушка добрый, наверняка даст.

Подруги хотели: надо быть чокнутой, чтобы от такой красивой жвачки отказаться! Ладно, говорила Лена, дед меня в гости приглашает, я на всех попрошу.

Она была доброй девочкой.

Сказочно богатый, щедрый на жвачку дедушка всплывал в рассказах Лены и раньше. Но без подробностей. Что за дед, откуда взялся, где живет – не рассказывала. Должна же быть у маленького человека своя большая тайна.

Двадцать второго декабря Наташа Борошко, выйдя из школы, застала свою подружку Лену Закотнову за любимым занятием – катанием по ледяной дорожке. Домой пошли вместе. По дороге забежали к Наташе: Леночке приспичило по-маленькому. Наташа осталась дома, а Лена, сделав свои дела, сообщила, что направляется к деду. И ушла. На улице встретила другую подружку, немного прогулялись вместе и распрощались до завтра.

Уже стемнело, было около шести. Мальчишка-одноклассник, которого отец послал в аптеку, увидел со спины Лену Закотнову. Она шла по направлению к трамвайной остановке. Одна.

В последний раз живой ее видели тоже около шести на трамвайной остановке «Трампарк». Это недалеко от Межевого переулка, на той же Советской. Средних лет мужчина в темном пальто и цигейковой шапке, держа в руке сумку с бутылками, что-то вполголоса втолковывал девочке лет десяти в красном пальто. Лицо девчонки выдавало смтение, похоже, она колебалась, соглашаться или нет. И хочется, и колется. Мужчина, не повышая голоса, продолжал настаивать. Девочка наконец решилась, кивнула, и они двинулись в путь: он впереди, показывая дорогу, она следом за ним.

Он открыл калитку и, оскальзываясь на припорошенных снежком ступенях, первым поднялся к флигельку, отпер ключом слегка перекошенную дверь, она открылась со скрипом, и пропустил девочку вперед. Быстро затворил дверь и накинул крючок. Лишь после этого нащупал в темноте выключатель. Под замызганным, в разводах сырости потолком зажглась свисающая на проводе тусклая лампочка...

Дальнейшие события известны только со слов «дедушки». Найденное при расследовании – на трупе девочки – эти слова подтверждает. Прочитируем протокол допроса, признание подследственного. Дадим ему возможность воссоздать сцену так, как он ее запомнил. Хотя, конечно, могут вкрасться неточности – как-никак двенадцать лет прошло, кое-что можно и подзабыть.

Но вообще-то память у него что надо. Отличная память – всем бы такую. Полсотни человек узнать в лицо на снимках!

Вот как охотно и многословно он кололся в кабинете следователя.

«...Мы зашли в мою мазанку. Я включил свет, как только закрыл дверь, и сразу навалился на нее, подмяв под себя, повалил на пол. Девочка испугалась,

закричала, а я стал зажимать ей рот руками, срывать с нее нижнюю часть одежды, оголяя тело, расстегнул пальто. Она вырывалась, но против меня ничего не могла поделать, так как я лег на нее, прижав всем телом. Спустив с себя брюки, я стал водить половым членом по ее промежности, но эрекция полового члена не наступала, и мне не удавалось ввести его ей во влагалище. Но желание удовлетворить себя затмило весь мой рассудок, и мне хотелось любым путем совершить это... Ее крики возбудили меня еще больше. Лежа на ней и покачиваясь, как бы имитируя половой акт, я достал нож и стал наносить ей удары... У меня произошло семявыделение... как это бывает при оконченном половом акте в естественной форме, я стал заталкивать ей сперму рукой во влагалище. Руками залез вовнутрь половых органов, хотелось все рвать и трогать. Она хрипела, я ее душил, и это принесло какое-то облегчение. Когда я понял, что убил девочку, встал, оделся и решил избавиться от трупа».

Когда читаешь эти признания подряд, на каком-то дальнем эпизоде – двадцатом или тридцатом – вдруг ловишь себя на мысли, что потерял ощущение непрекращающегося кошмара. Рассказывает себе человек и рассказывает. Один случай, другой, третий. Складно рассказывает, похоже, не врет.

Если вы уже стряхнули с себя натуралистический бред, если сумели это сделать с первого раза, если вообще сумели это сделать, то, пожалуйста, забудьте его на время, выкиньте из головы, наберитесь сил на будущее. А пока – отвлекитесь на что-нибудь. Например, оцените слог.

Возможно, в протоколе допроса кое-что смягчено и подредактировано, но, обратите внимание, – ни одного непечатного выражения, сплошь деликатные эвфемизмы и термины, свойственные скорее учебникам по медицине. Ни следа ненормативной лексики. Для всего найдутся правильные слова, каждое в отдельности вполне приличное.

Следователи ничего не приукрасили – он и вправду не переносил нецензурщины. Сам никогда не матерился и терпеть не мог, когда в его присутствии мужчины пересыпали речь матерщиной. Однако неприличные слова и выражения знал и по меньшей мере один раз употребил такое словцо в письменной речи, впрочем, для благообразия изобразил его латинскими буквами. В юности от чужой матерщины краснел, в зрелом возрасте молча уходил.

А слог – это от приличного образования. Он окончил Ростовский государственный университет, между прочим получивший впоследствии имя замечательного стилиста и культуртрегера М. А. Суслова. И не какой-нибудь естественный факультет, где всю подноготную выкладывают без прикрас, а филологический. Не был чужд, как говорится, изящной словесности. Впрочем, филолог нынче массовая профессия, вроде шахтера или бизнесмена. Кто только не филолог!

Как-то мы пересказывали вкратце эту историю режиссеру Ролану Быкову. «Филолог! – воскликнул Ролан Антонович. И задумчиво протянул – медленно, сквозь вытянутые трубочкой губы: – Фи-ло-лог... Вот она наша жизнь – сплошная филология. Вы бы так и называли вашу книжку: „Фи-ло-лог“».

Нам не захотелось. В его устах это греческое слово, обозначающее почтенную профессию, прозвучало не то как ругательство, не то как оскорбление.

* * *

Много лет спустя, когда филолога арестуют по подозрению в совсем других убийствах, во время долгого следствия и не менее долгого суда то и дело будут возникать вполне обосно-

ванные сомнения – а вменяем ли подследственный и подсудимый? И способен ли вменяемый совершить такое?

Вот в чем сволочная штука – способен.

«Я встал, оделся и решил избавиться от трупа».

Оделся он быстро, оглядел себя в зеркале – все ли в порядке, нет ли следов крови. Поправил одежду на убитой девочке. Тщательно вытер пол, затер пятна крови. Поднял легкое тело и направился к выходу.

У двери оглянулся – не забыл ли чего. Так и есть – ее портфель на полу. Подхватил и портфель, еще раз огляделся. Вроде бы теперь все в порядке. Открыл дверь, вышел в темноту – фонарей в таких переулках не ставят, ни к чему жечь электричество зазря. Аккуратно закрыл за собой дверь. Медленно, чтоб не поскользнуться и не упасть с трупом и с портфелем в руках, спустился по ступенькам на дорогу.

Как ни осмотрителен был, все же дважды оплошал. Но это по первости, дальше таких грубых осечек не будет. Сначала забыл погасить свет во флигеле. Надо же – до сих пор, уходя, всегда гасил свет, чтобы не платить лишнего за электроэнергию: при его скромном заработке и это не пустяк. А тут, когда нужна особая осторожность, – из головы вон.

Случайная эта забывчивость едва не стоила ему свободы, а то и жизни. Однако обошлось.

В Межевом ночью хоть глаз выколи. Но он хорошо знал дорогу. До того места, куда он решил идти, было всего метров полтора. Девочка легонькая, нести не тяжело. Однако у дома, что напротив его сараюшки, он положил труп на землю, чтобы перехватить поудобнее.

Это была вторая его оплошность, и она могла выйти ему боком. Но тоже обошлось.

Минуты через две он вышел на берег Грушевки. Медленно спустился к реке и, стараясь не замочить ботинки, опустил тело в воду. Отпихнул от берега, в стремнину. Вслед швырнул портфельчик. Остальное, рассудил, сделает течение.

Назвать Грушевку рекой можно лишь с большой натяжкой. У Межевого переулка она не шире трех метров – так, ручей, речушка. Но течение действительно быстрое. Впрочем, зимой, подпитанная тающим снежком, она бывает чуть шире, но ненамного.

Мы спустились к берегу тем же путем, каким спускался убийца с телом Леночки Законной в руках.

Место, где он опустил тело в воду, под стать месту убийства. К воде подступают скобочившиеся хилые заборчики, за которыми ковыряются в земле здешние землевладельцы. Заброшенная свалка прямо на берегу, рядом – остов дачного туалета. Зачем он здесь, за пределами участков, кому понадобилось строить сие убогое сооружение – кто скажет? На склоне растут больные, воистину плакучие ивы, ложе речушки загажено донельзя: скелеты перевернутых вверх колесами старых автомобилей, лысые крыши – у нас умеют ездить до полного износа протектора. И между всем этим хламом течет река Грушевка.

Если уж искать труп в речке, то лучше в такой. Больше шансов найти.

Экскурсия закончилась. Мы бросили прощальный взгляд на Грушевку и двинулись в обратный путь по Межевому в сторону Советской – ловить такси или трамвай, как повезет. Из углового дома на всю округу раздавался голос неутомимой Аллы Пугачевой. Старушка по-прежнему стояла у калитки и провожала нас недоуменным, растревоженным взглядом, словно вспоминала что-то и не могла вспомнить.

На трамвайной остановке грудастая молодуха, шахтинская мадонна, укачивала на руках младенца. Бабушка прижимала к себе шестилетнюю внучку. Мимо пробежали двое – должно быть, брат с сестрой: ей лет одиннадцать, ему от силы восемь. Симпатичные.

Все позади, говорили мы сами себе. Чего волноваться? Бомба два раза в одно место не падает. Сколько лет прошло, и он давно уже в тюрьме. Ничего с этими детьми не будет, говорили мы сами себе.

Нам было за них страшно.

* * *

Двадцать четвертого декабря 1978 года жительница Шахт гражданка Гуренкова ехала с обеда на работу со своими сослуживцами в трамвае по Советской улице. Проезжая по Грушевскому мосту, они увидели возле речки небольшую толпу, в которой мелькали милицейские шинели. В провинциальных городах события, достойные внимания толпы, а тем более милиции, происходят не так уж часто, и компания сослуживцев не поленилась выйти из трамвая на ближайшей остановке, чтобы присоединиться к толпе и поглазеть на случившееся.

На берегу лежала утопленница. Ее, как выяснилось, совсем недавно выловили под мостом – тем самым, по которому шел трамвай. Тут же был и школьный портфельчик: его вынесло на сухое место в ста пятидесяти метрах ниже по течению. Гуренкова глянула в лицо утопленницы и вскрикнула: эту девочку в красном пальто с капюшоном она видела два дня назад. Вечером. Рядом с ней был мужчина с сумкой. Из сумки торчали бутылки. Это точно. Где же она их видела? Да, на трамвайной остановке, примерно в это же время – часов в шесть вечера. Нет, перепутать не могла. Это та же девочка.

Гуренкова рассказала обо всем мужу, а тот сообщил в милицию.

Потерявшие голову родные искали Лену уже два дня. Оpoznали ее сразу. О следах насилия милиция старалась не распространяться.

Когда находят труп со следами насильственной смерти – а на теле девочки их было множество, – немедленно приходит в движение правоохранительный механизм. Милиция ведет дознание, прокуратура открывает уголовное дело, и в первую его папку ложатся протоколы обнаружения трупа, заключение медэксперта, показания очевидцев. Рассказ Гуренковой о вечерней встрече на трамвайной остановке тоже приобщили к делу. Пригласили художника Владимира Петровича Бельмасова. Пейзажист и портретист, неплохой рисовальщик, словом, профессионал, он и прежде не раз помогал милиции. По подробному описанию свидетельницы художник набросал портрет мужчины. Гуренкова глянула и сказала – очень похож.

Рисованный портрет мужчины сфотографировали, снимок размножили и раздали милиционерам – ищите. Недели две, а то и три милиция патрулировала улицы города, искала крупного носатого мужчину с удлинённым лицом, опрашивала школьников, трамвайных кондукторов и всех иных горожан, которые в день убийства могли случайно встретить подозреваемого. Видела же его Гуренкова и запомнила; наверняка он еще кому-то попадался на глаза. Город-то невелик.

Гуренкова в сопровождении милиционеров в те дни тоже немало побродила по городу. Особенно по тем местам, где имеют обыкновение собираться мужчины. Например, у пивных ларьков. А вдруг попадется на глаза оригинал, с которого портрет рисовали?

Уже перед самым Новым годом в кабинет директора местного профтехучилища И. П. Андреева заглянул старший лейтенант. Показал картинку, объяснил: этого человека подозревают в убийстве девочки. Гляньте – вдруг видели такого.

Директор глянул. И, ни секунды не колеблясь, узнал. Еще бы не узнать преподавателя своего училища! Назвал фамилию, имя и отчество, продиктовал адрес. Лейтенант попросил Андреева до поры до времени ни слова никому не говорить и поспешил в отделение милиции докладывать начальству. Какому же сыщику не хочется выйти на след первым! А тут не след даже, а сам подозреваемый. Бери его тепленьким.

Тем временем и другие милиционеры прочесывали места неподалеку от Грушевки. И Межевой переулок стороной не обошли. Не пропустили ни одного дома. Это называется так: подворный обход жилого массива.

Сплошное прочесывание тоже кое-что дало. В первый же день парни из ближайшего отделения милиции нашли у забора дома 25, что напротив флигеля, следы крови и аккуратно их собрали. Выражаясь протокольным языком, изъяли улику. Оперуполномоченный Шахтинского УВД В. В. Файман мгновенно оценил находку и тут же составил рапорт.

А в доме 24, соседнем с сараюшкой, то бишь флигелем, или, как называл его хозяин, землянкой, проживала гражданка Л. А. Сибирякова. Она переехала сюда всего месяц назад и еще не очень хорошо знала всех соседей. Про ближайшего соседа, высокого мужчину средних лет, знала только, что он работает где-то по педагогической части и живет один, должно быть, холостяк или в разводе. О пропаже Леночки Закотновой она слышала по городскому радио и ужасно огорчилась, потому что Лена дружила с ее дочерью.

В городе Шахты, как и во многих других городах, есть кинотеатр под названием «Аврора». Зовется он так, само собой, не в честь богини утренней зари, а в память о легендарном крейсере, который в октябре 1917 года не то выстрелил по Зимнему дворцу, не то пальнул холостыми, но, во всяком случае, как написано было в учебниках истории, открыл эру социализма. Почему кинотеатры надо называть в честь крейсера – этот вопрос лишен смысла: ни почему. Или, если хотите, по той же причине, по которой в каждой области столько городов, начинающих со слова «красный». В Москве, у Покровских ворот, тоже была своя «Аврора», но больно уж ветхая – пришлось закрыть.

Шахтинский кинотеатр «Аврора» надлежит запомнить, с ним будет связано еще не одно трагическое событие. Господи, сколько же страшных мест знаем мы теперь в Ростове и его окрестностях!

В кинотеатр «Аврора» ходила Сибирякова в день исчезновения Леночки – на вечерний, но не поздний сеанс. После кино, около семи вечера, возвращалась со знакомым и обратила внимание, что из окошек флигеля сквозь шторы пробивается свет. Хорошо, сказала она спутнику, теперь учитель стал вечерами дома бывать, окна светятся, а то темень такая – того и гляди ноги переломаешь.

Когда тело Лены нашли в реке, Сибирякову, как и всех ее соседей, вызывали в ближайшее, Октябрьское, отделение милиции. Там она столкнулась нос к носу с учителем. Рада познакомиться, сказала она и добавила что-то об освещенных его окнах, мол, спасибо, сосед, благодаря вам хоть дорожку к дому видно стало. А он в ответ как-то сухо, но по-соседски – боюсь, вы ошибаетесь, я мазанку эту не для себя, а для старика отца в марте купил, изредка только забегая проверить, все ли в порядке. Но давно уже не заглядывал, времени нет. Как же так, удивилась Сибирякова, буквально на днях шла домой из кино, а окошки ваши светились. Учитель замолк, стушевался, как-то сник, только моргал часто. Милиционеры тоже это заметили, глаз у них наметанный.

Учитель выглядел все более подозрительно. Улики подбирались одна к одной, все против него, и кольцо, можно сказать, неумолимо сжималось. Его уже допрашивали в отделении раз пять или шесть, однажды в присутствии жены. Он был женат, но жил с семьей вовсе не в убогой мазанке, а совсем в другом месте, и жена, между прочим, не подозревала вовсе о домишке, приобретенном мужем без ее ведома и согласия. Была небольшая семейная сцена, прямо в отделении. Ну, милиции к этому не привыкать.

А что же учитель? Он путался в ответах, его показания с каждым допросом выглядели все менее убедительными, противоречия и недомолвки буквально лезли наружу. И вдруг – словно сломалось что-то в механизме, будто кто-то придержал карающую десницу: филолога оставили в покое.

Потом он скажет об этом так: «Меня вызывали в милицию, допрашивали, я отрицал свое участие в этом преступлении, и мне поверили».

Так ему и поверили. Можно подумать, у нас такая доверчивая милиция. А в Америке полиция доверчивая? И где вообще она склонна отмахиваться от очевидного?

Как бы то ни было, учителя перестали таскать на допросы. Не то чтобы извинились или что-нибудь в этом роде, а просто перестали вызывать в отделение. Только и всего.

А что же показания Гуренковой, женщины с отменной памятью, которая видела учителя в лицо и точно описала его внешность? Ей подозреваемого просто-напросто не показали.

Почему? Именно такой вопрос и задал знакомому милиционеру муж-дружинник. А зачем. Смысла нет. С тем, нарисованным, сказал знакомый милиционер, ошибочка вышла. В нашем милицейском деле такое бывает сплошь и рядом. Но мы исправляем. Убийца, между прочим, уже найден и арестован. Это самое главное.

И директора Андреева, который не колеблясь опознал по рисованному портрету педагога из своего профтехучилища, тоже попросили не беспокоиться. Настоящий убийца сидит за решеткой и во всем признался.

Дело приняло неожиданный оборот.

Оно обернулось делом Александра Кравченко.

Глава V

Дело Александра Кравченко: обвинение. 1979–1982

В Межевом переулке, где нашли тело Леночки Закотновой, среди нескольких десятков его обитателей жил человек по имени Александр Петрович Кравченко. Личность особо не примечательная, правда, милиции известная – по прошлым делам. Но в последнее время ни в чем предосудительном замечен не был, за прошлое расквитался.

Сразу после убийства, с ходу не обнаружив преступника, следователи и сыщики, как это обычно бывает в таких случаях, стали отрабатывать несколько версий и подступать к делу с разных сторон. Одни опрашивали видевших девочку в последние дни и часы ее жизни, другие готовили и размножали рисованный портрет носатого мужчины, третьи совершали подворный обход жилого массива близ реки Грушевки. Но в первую очередь подняли милицейские картотеки: нет ли там подозрительных личностей, судимых или задержанных ранее, которых не мешало бы проверить на причастность к преступлению. Обнаружится такой человек – надо взять у него показания, проверить алиби. Рутинная процедура, стандартный следственный ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.